

Интервью к фильму «Юрий Щекочихин. «Однажды я был».

Режиссер Евгения Головня – Александр Гуров, депутат ГД РФ. 2011.

А.Г. Я ведь не верю, что он сам. Более того, я писал об этом, аргументировал. Почему я не верю? Я никого не обвиняю, но я не верю. Не верю, что это сделали ребята, связанные с фирмой "Три Кита", это всё ерунда, за это не убивают, да и дело уже раскрыто. Не верю, что это по атомной энергетике что-то, это тоже глупость. Нет, нет, нет. Здесь что-то другое. Третье. Там не мафия была задействована, какие-то чиновники. Очень крупные чиновники.

Е.Г. Если я вам намекну, вы скажете?

А.Г. Не скажу. Одному человеку хотели передать документ в Америке, он прежде чем взять, позвонил знакомому политику, и тот сказал "Упаси тебя Бог". Он не взял, а Юра мог взять. У меня нет доказательств, абсолютно никаких.

Е.Г. Если рассматривать Юрино творчество, то, по-моему, крупнейшие его публикации связаны в основном с мафией, так?

А.Г. Была публикация, которая вызвала, ну, я бы сказал так, социальный шок. («**ЛЕВ ПРЫГНУЛ**»- ред) Ведь мало кто знает, как вообще эта публикация появилась. Ведь Юра и до этого публиковал очень серьёзные материалы о преступности несовершеннолетних, в основном в «Литературной газете», и материалы такого критического плана, что в советское время, скажем так, не было принято, потому что за всем этим стояла власть исполнительная и, конечно, коммунистическая партия. И, на мой взгляд, было дано право критиковать власть "Литературной газете". Во-первых, она литературная, она интеллигентная, мало ли, что там они напишут, эти литераторы. А во-вторых, надо было где-то пары спускать. Власть-то была ведь не совсем дурная. Я, кстати говоря, много выступал на телевидении, достаточно резко, правда, уже после 1988-го года, но сегодня я так уже выступить, к сожалению, не могу, ваш брат не пропустит. Внутренняя цензура сидит, а в советское время было

проще мне в этом плане. Даже писать то, что я писал раньше, мне сегодня тяжелее писать, чем в советское время, потому что я тогда свою мысль облачал цитатами из Ленинских работ, из работ Маркса и Энгельса. Вы что, против Энгельса, вы что против Маркса, Ленина? Я действовал как Фома Аквинский, который говорил “Вы что, против вот этого пункта священного писания? Тогда вас на костер”. Сегодня гораздо все циничнее. И тут не только власть. Я бы даже не сказал, не столько во власть, сколько хозяева этих телекомпаний сегодня развращают людей.

Е.Г. Свобод было больше?

А.Г. Свобод, я считаю, что в какой-то мере было больше, но в какой-то мере было меньше. Матом, например, нельзя было ругаться, сегодня можно матом поругаться. Я утрирую, конечно, и буду дальше так утрировать. Так вот, Юра и раньше писал на эти темы, почему, собственно, к нему и обратился я. Я ведь искал долго, где бы этот материал опубликовать. То, что надо материал опубликовать, не для сенсации, было важно, потому что мы занимались уже с 1982 года этой проблемой. А это уже 1988 год. Я это шкурой чувствовал, как и многие вещи я сейчас шкурой чувствую. Ну, конечно, есть определенные знания, есть определенные законы, объективные, субъективные. Я дал прогноз на десятилетие по развитию организованной преступности, один в один берите мою книжку “Красная мафия” – предисловие, конец... Я там по-моему написал прогноз вместо окончания. Всё прям по пунктам... И тогда я чувствовал, что надо публиковать, но никто не соглашался. Никто. Юру Щекочихина, я его знал, так как он приходил к нам в розыск, они дружили с Димой Медведевым. Он у меня не вызывал вообще доверия, Юра был всегда всклокоченный такой, в джинсах, что само по себе тогда тоже редкость была, рубаха на нем расхлестанная, журналист вот в таком виде... Как-то, честно говоря, несерьёзно его я не воспринимал. Я думал, что и пишет он не очень, хотя вот читал материалы. Ну мало ли, редактора есть и так далее. И поэтому, когда мне сказали, что только Щекочихин это сможет, и я обратился к нему. Мне Медведев Димка сказал, он сейчас жив-здоров (**Д.Н МЕДВЕДЕВ умер в 2023** - ред), я обратился к Щекочихину, он немножко заикался, он сказал: « С-Саня, да давай встретимся» . Встретились. И вдруг у него загораются глаза. И не просто глаза: он преображается! Вот это интересно, вот из этого пацана, вот этого

расхлябанного, растерзанного, в джинсах потёртых, и вдруг он преображается, он становится серьёзным, он задаёт вопросы, всё, в теме. Я говорю: “Юра, а опубликовать-то ведь... может, всё-таки сходим к начальству, чтобы вхолостую не работать?”. Приходим, я не помню, кто главный редактор (**ЧАКОВСКИЙ А.**), тот выслушал всё, потер, потер так подбородок, и говорит: “Ну попробуем, давайте, пишите”. И мы с Юрой берём трёхлитровую банку пива, как раз жарко было, садимся у него на кухне, восемь квадратных метров, он задаёт вопросы я ему рассказываю, он записывает на магнитофон, и в конце он мне задает вопрос – вот что значит божий дар журналиста- «как же это вск назвать? И вдруг он говорит: “Слушай, вот ты убил льва!» Был в моей жизни случай, убил льва на Мосфильме, я ему рассказывал.

«Вот если мы мафию сравним со львом, то в каком положении лев находится?»

Я говорю: “Лев прыгнул, то есть он уже прыгнул, и, значит, я жду»

И появляется статья: там поставленный диагноз, его фамилия, моя фамилия, “Лев прыгнул”. Все точно. Он был подготовленный, на криминальные темы много писал. Когда сегодня журналисты приходят, задают вопросы на криминальные темы, иногда они не знают, что такое преступление, что такое правонарушение. Он-то знал. Термины были выдержаны все, ну, полностью все. Я рассказал о том, какие у нас исследования, почему это мафия, дали определение мафии, значит, это организованная преступность. Назвали города – и вот тут мы сделали ошибку. Мы назвали области, где исследования проводились. Юра говорит: “Ну, теперь жди”. Проходит день. Тишина гробовая. Проходит второй, ну гробовая тишина. Представляешь разочарование человека, который ожидал, что ну сейчас?.. Мы писали разные докладные, а их под сукно, никто к министру не ходил, в ЦК не ходил, кто-то не понимал, кто-то боялся эту тему затрагивать. Ну нет организованной преступности, нет профессиональной преступности у нас в Советском Союзе, не может быть по определению! Это же концепция была государством установлена, что нет. Единственное, на что пошло партийное руководство -допустить термин «атавизм профессиональный», то есть остаточное явление, но не организованной, а профессиональной

преступности...И вдруг на третий день такое поднялось, что я вам вот честно скажу, у меня было желание сгинуть куда-нибудь. Но не повеситься, а сгинуть, потому что пошли звонки, причём звонки: “Представить материал! На каком основании?”. Письмо Чёрного, Чёрный – секретарь крайкома партии Хабаровска. “Где у нас Щекочихин?” Чёрный мгновенно уже тут, самолётом.. Значит, уже в ЦК, в МВД, где он нас обвиняет с Щекочихиным в фальсификации, извращении событий, что этого нет, что никакого общака в Хабаровске нет, что рецидивисты – и те возмущены нами, и поэтому просят разобраться с подполковником Гуровым, а по Щекочихину отдельно. И стали разбираться. Те, кто ко мне так были благосклонны, руководство – все отошли в сторону. Сразу. Приезжает подполковник с инспекцией по личному составу. Разговор такой: “Ты никто, ты дерьмо, я начальник, ты виновный. Представь документы, на каком основании ты им объяснишь? Это ваши ублюдочные тут разные... Ты мне дай материал. Какие проценты? Ты мне дай материал!”.

-“Мы же учёные, мы изучали”.

-“Нет, ты мне дай уголовные дела!”.

Уголовных дел-то нет, их не может быть, потому что нет статьи такой. Ну, чувствую, что труба мне. Юре звоню, говорю: “Юр...”, он говорит: “Старик, это обычное дело. Меня тут тоже, значит, мордуют, таскают, выживем”. Я не знаю, как он выживал, но мне тяжело. Значит, в моих руках была копия аналитической справки, она называлась “Аналитическая справка об общаке”. Общак – это была группа Васина, преступная группировка Васина “ДЖЕМ”, по кличке “ДЖЕМ” и там расписывалась сетевая структура. Там, значит вот, главарь там, политбюро, рядом с ним пять человек, затем уже отпочковываются разные... и подписано четырьмя руководителями! Воронов, начальник УВД, как сейчас помню, прокурор Хабаровского края, зав. отделом адморганов, тоже подписал. И я этому подполковнику говорю: “На, вот откуда мы взяли”. “Да, но тут Хабаровск, а ты же пицеш по Тамбову”. Но в Тамбове в это время убивают двух работников милиции. Все, я говорю: “Видишь, убили двух работников милиции. Просто так не убили бы...”. “Ладно, Тамбов. А Львов? А этот где по Львову?”. Ну, понимаешь, они с меня требовали то, что я дать не могу. Никак. И тогда я опять иду в уголовный

розыск, там тогда начальником уголовного розыска был Лагода, Евгений Лагода – прекрасный человек, он был начальником УВД Львовской области. Я прихожу, говорю: “Жень, ну спасай, ну расскажи мне, конкретные дела какие-нибудь есть? У нас же статистика, мы же не думали, что нас так будут вешать на дыбу”. И он мне рассказал: какая контрабанда золота в Польшу, какие группировки участвуют и так далее. Я это всё лихорадочно пишу, пишу, пишу, потом этому подонку отдаю... Ведь гласность! И тут вдруг такое. На, читай, проверяй. Но не прекращается. И вдруг, вот представьте, как будто дождик идёт, гроза, – и мгновенно солнце!

И вот тут мгновенно тишина, тишина. Ко мне опять подползают те же самые руководители, говорят: “Молодец, молодец, Щекочихин, всё нормально, у нас всё нормально”. Вызывают в МВД: “Ну надо же, вот видите, вот тут надо план нарисовать”, планы они нарисовать не могут, борьбы с мафией. Не знают, не хотят и не умеют, как Жириновский говорит. А у нас это всё есть, мы им направляли и справки и прочее. Оказывается, как потом выяснил Юра Щекочихин, и как потом уже Михаил Сергеевич подтвердил, дело дошло до того, что была создана специальная группа в КГБ, которой была поставлена задачей дезавуировать статью, в которой два недоумка, один увлекающийся, типа я, другой вообще непонятно кто, написали клевету на советскую действительность. И вот эта группа из людей с чистыми руками, холодной головой и исключительно горячим сердцем разделилась надвое. И там действительно люди с чистыми руками и холодной головой нашлись. Судя по всему, Бекбулатов Валера, полковник КГБ. Он говорит: “Ребят, ну мы же знаем, это же есть. Ну как же так? Ну мордуют людей. Ну пора уже. В стране-то уже какие-то изменения идут”. Но пока они делились и писали справку, в это время Михаил Сергеевич написал Анатолию Ивановичу Лукьянову, за что я ему был благодарен, и здесь в Думе, и даже когда он сидел сидельцем, я специально на радио говорил об Анатолии Ивановиче Лукьянове, чтобы поддержать его морально в узилище, где он сидел в связи с событиями 91-го года. Он написал: “Статья заслуживает внимания, прошу разработать меры”.. Лукьянов эту газету отослал министру, кто у нас там, Федорчук. Кстати, закончил плохо, потому что очень много зла людям причинил. А потому и жена умерла от болезни, и сын от наркотиков. И сам в конце жизни гроза КГБ, возглавлял КГБ, потом МВД. Сколько людей-то покончили жизнь самоубийством от этого?

Ведь они же Карпеца, Игоря Ивановича, моего учителя, генерал-лейтенанта, довели до смерти. О Карпеце книга вышла, и я вот там тоже дал свои воспоминания дал, вот об этом Федорчуке...Так вот, он получил когда эту бумагу, и дал команду разработать меры, ну, а разрабатывать меры мы уже начали.

На самом деле все тяжело было, могли выгнать с работы, и партийный билет отобрать, и ты пошел бы как бомж, никто же не возьмет никуда. И Юру могли...

Ну и наконец, не могу не съязвить, конечно же эта статья не вышла бы не потому что там Юра ее плохо написал, он её блестяще написал, не потому что главный редактор нам дал добро – цензура оказалась невооружённой. Дело в том, что цензоры наши работали по старой схеме, то есть у них были вот такие «талмуды» где были переписаны слова и имена части военных, что нельзя было допускать, а когда они стали анализировать нашу статью, то они не нашли в своих талмудах слов “мафия”, “рэкёт”, “организованная преступность”. Почему они нашли? Да потому что их туда не вписывали, ну такого не было же у нас в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е,! Но зато что убрали? Конвойный полк милиции. Я сказал “Я работал в конвойном полку милиции”. И вот они убрали “конвойный полк милиции”, сказав таким образом, что у нас нету конвойных полков, у нас заключенные сами в место лишения свободы своим ходом ездят, но об этом никто не догадался. Вот они единственное убрали “конвойный полк”, а все остальное оставили.

ЕГ..Может они в душе будут за вас...

А.Г. Ой, да что вы! Да ни один чиновник никогда в душе... он тебя разорвет, потому что опасность над ним, опасность. Это же психология чиновника, она со времен Чехова осталась. Помните, чехнул там и в конце же умер, поэтому все осталось и поныне.

– Е.Г.Александр Иванович, вот скажите... вот ведь вы же от ”Лев прыгнул”, потом уже были публикации, вы же вели эту тему, а вот

в конце была такая, ну не в конце, как бы была такая публикация “Гуров ушел”.

А.Г. “Лев сожрал свою жертву”, такая тоже была публикация. Через 3-4 года Юра меня защищал. Я был начальником главного управления по борьбе с организованной преступностью, с коррупцией и наркобизнесом, и мы вели очень много уголовных дел. Политикой мы, конечно же, не занимались. Закон запрещал, а партии вообще нельзя было разрабатывать, это железно. Это уже закон. Нам просто запрещалось. Но они мелькали все. Каким образом мелькали? Мы работаем по группе, но группа-то ищет «крышу», «крыши»-то у мафии и тогда были, и поэтому некоторые мелькали. Но не то, чтобы сегодня, сегодня просто жгутом идут, а тогда мелькали. И почему-то считалось, что мы занимаемся политикой. КГБ тогда практически не работал, он был парализован. И действительно некоторые вещи мы сами делали. Ну, например, мы знали, дело прошлое, что в Литве существуют так называемые оружейные подполья, где у них схроны с оружием. Это мы все знали. И я направлял туда Сергея Ласкина, подполковника, который встречался со своей агентурой, хотя это были далеко не агенты, они просто согласились работать, и они нам говорили, что там происходит, ведь там же к восстанию готовились. То же самое происходило в Молдавии. КГБ уже не работал, а МВД ещё работало, но тоже плохо уже, нас выдавливали со всех республик, что там греха таить. И только подразделение оргпреступности ещё вот так вот нормально работало. Как ни странно, Союз развалился, а азиатские республики, кавказские республики, они не хотели уходить из системы борьбы с организованной преступностью.. Ну, потом, конечно, сказали, хватит их кормить. Один министр такой умный сказал, не надо их кормить. Но уже Союза не было, но это другая тема.

Я получил оттуда пакет, Скуртул фамилия, можно сейчас называть уже, начальник отдела по борьбе с оргпреступностью. Мне через командира корабля пересылается совсекретный пакет, и когда я читаю, у меня волос дыбом поднимается, поскольку речь идет об амнистии людей-преступников, которые когда-то работали в правоохранительных органах. Они дают подписку, что они будут работать на оппозицию. И они в бывших пионерских лагерях: оружие и все прочее... Вот такими уже занимались длами.

Ну и много уголовных дел. Мы же каждое уголовное дело доводили до конца, каждое.

Ну и кое-каких политиков подергивали, даже в центральном комитете партии поработали немножко тоже. Кстати мое управление предотвратило колоссальную гибель или гибель колоссального количества людей. Потому что была провокация именно в Центральном Комитете партии. Но это не Центральный Комитет, это отребья, которые там находились внизу, которые связались с «Памятью», и через «Память» хотели таким вот прожигающим устройством запустить в толпу, тогда же миллионные толпы были на митингах демократических. Кстати, за сигареты, за водочку.... И шахтерчиков тоже пытались спалить – наркоту туда слали, это же все на моих глазах. Думали- фосфорв толпе загорится, дым, паника. Ну я Бакатину доложил – мы предотвратили, А подонка, который все это начал, из ЦК уволили тогда.

Я говорю это к тому, что распространилось слух, будто мы мало того, что полковник Гуров был назначен начальником главка закрытым указом Горбачева, но он нам дал право стрелять без суда и следствия. Мы даже их не опровергали, мы говорили “Ну пусть так, ну стреляем, значит, стреляем”. На самом деле, конечно, этого не было. Но распространяется мнение, что мы такой политический сыск, хотя ещё раз повторяю, никаких дел не было, просто я всегда говорил так: ныряем в уголовную группу, выныриваем в политике. Она и сегодня. Ныряем в мафию, выныриваешь в каком-нибудь учреждении.

И вот была дана другая команда раздербанить наше управление. Конечно раздербанили, я ушел в ФСБ, мне позвонил Бакатин и сказал, что да, приходи ко мне. Я ушел в ФСБ, в МВД личное дело мое не отдавали, естественно, через агентуру КГБ личное дело выкрали из сейфа к вечеру. Это тоже дело техники спецслужб. Молодцы. И сделали вывод, что Гуров-то не работник милиции был, а просто засланный казачок из КГБ . Это тоже лажа полнейшая. Я профессиональный работник милиции, сержант милиции. Никогда на КГБ, конечно, не работал. И поскольку это было неприятно, обидно, вот тогда Юра опять встал в мою защиту, опубликовал статью “Лев сожрал свою жертву”. Потом была еще избирательная кампания, Юра был

у меня доверенным лицом, и все никак не могли понять, что такое генерал милиции, вот еще Щекочихин, корреспондент-демократ, а я автократ, по их мнению, что у них общего? А вот что-то было общего, и Юру тянуло ко мне, и меня тянуло к нему. Почему тянуло? Не было у него корысти. Материал дать, да, но корысти не было. Если бы у него была корысть... Ну что греха таить? В "Литературной газете", по нашим сведениям, денежку брали. Не все, конечно, но некоторые корреспонденты брали денежку. Почему? Объясняю. Если сегодня вы хоть будете публиковать каждый день по криминальной статье, никто дело не возбудит. Но раньше- если в печати промелькнуло, что он или не виновен, или наоборот виновен, тут же вмешивалась прокуратура, тут же вмешивался суд, и таким образом можно было достичь какой-то, я бы сказал, чаще всего справедливости. И, случалось отписывали, что нарушение профессионального закона не установлено, и все, и "гуляй, Вася". Ну, за это дело брали, или наоборот. Ну, а Юра никогда не брал. Ему же предлагали деньги, ведь никто не знает, как однажды его «солнцевские» остановили, назначили ему встречу в кафе, Юра немножко перепугался, чуть-чуть. Ну, как тут не испугаешься. Состоялся разговор с ним бандюков, но это все, конечно, под наблюдением. И они спросили: "Что ты делаешь? Ну зачем тебе это надо? Тебе деньги надо? Да пожалуйста, что ты нас расписываешь? Не пиши".

Еще один момент расскажу: в 95-м году я узнаю о том, что нас с ним и убить хотели – это за ту самую публикацию. Но как Юра отреагировал на это, интересно. Я тогда уже работал в одном из банков. Ну, пришлось мне тоже побывать на вольных хлебах. Я в отставку ушел в 99-м году, по-моему, Степашин мне опять предложил, я опять ушел. От больших денег, кстати, ушел. Ну, надоело мне работать, хотя получал 5 тысяч долларов. И вот я, работая в банке, встречаюсь с одним очень интересным человеком. Сейчас уже этих людей нет, воров в законе – поумирали. И во флаг заворачивали покойника, вора в законе, Вячеслава Иванькова. Но это их связь была. Он сам преступление не совершал, он прилетел с Турции, там его ранили, он там отдыхал, потом мы встретились и он говорит: "Да, Гуров, я вообще-то с тобой никогда не общался, но могу тебе рассказать пренеприятнейший, а может быть даже приятнейший случай. Я был на сходке в Сухуми, когда вы опубликовали со Щекочихиным статью "Лев прыгнул". Сухумские вору пригласили, значит, других воров, и они, в основном

грузинские воры, тогда пиковая масть доминировала и сегодня доминирует, стали обсуждать вопрос, что надо ликвидировать, источники информации. Не потому что они обиделись. Ведь у нас как раньше было, если говорят “соль вредна”, значит считай, что соли завтра не будет. Если говорят “песок вреден сахарный”, значит перебои с песком. Если говорят “мясо вредное”.. ну помните, такая была всегда обработочка, а потом уже и мяса нет. И если говорят, что есть мафия, значит надо предупредить. Я ему поверил, сейчас объясню почему. И он говорит, двух голосов не хватило. Голосовали, двух голосов. Я Юре рассказываю, Юра: “Ха-ха-ха, старик, ну нам же повезло. Двух голосов не хватило!”. У меня, когда мне рассказали, мурашки по спине пошли. Вот я реально почувствовал, что могло бы быть. А Юра захохотал.

Еще один сюжет. Я уже был начальником Главка, до этого написал диссертацию докторскую. Но проходит месяц, два, три, пять, шесть, девять месяцев. Моя диссертация лежит в ВАКе. Никто ей не занимается. А у нас в этот момент было дело на ВАК, то есть мы обнаружили семь несуществующих советов, я назвал это “интеллектуальной диверсией” – примерно 20 тысяч диссертаций было подготовленных туповых, Госплан в этом участвовал. Ну не весь Госплан, а просто материалы брали, был такой завкафедрой, с Томска приехал сюда в МГУ, работал, его мы арестовали. Ко мне приходит сотрудник, который вёл это дело, а мы должны были ещё получить списки закрытых диссертаций. То есть изобрёл кто-то гайку для военных нужд, гайка действительно очень интересная, и она революцию там произвела техническую. И ему, конечно, надо докторскую давать, сразу. Государство ничего не пожалеет из-за этой гайки, но к нему тут же... списочком так.. Хотя они и писать-то не знают ни черта. Вот этот список мы и не получили, этот список нам не дали. И вот он ко мне приходит и говорит, Александр Иванович, а ваша диссертация все еще лежит? Я говорю, лежит. А не знаете почему? Я говорю, не знаю, ну там же, я говорю, как обычно. Он говорит, да нет, все диссертации перелопачены пять раз, а вашу все время отбрасывают в сторону. И знаете, кто это делает? И называет меня фамилией полковника Академии МВД. Я говорю, да ему-то какая, к черту, разница. Ну, я его знать-то не знаю, один раз видел, фамилию не буду называть, потому что обвинение такое, несколько голословное. Он говорит, он звонил туда, и вот, а знаешь, кто помог тебе? Кто? Михаил Бабаев, профессор, лысенький такой. Приехал, сказал: “Вы что делаете?”.

У меня не было врагов в науке. А это заказ чиновников коррумпированных, мафии, чтобы никаких научных трудов по этой теме не было. Я верю, что нас хотели шлепнуть с Юрой, потому что 9 месяцев держали мою диссертацию и мне сотрудник докладывал по материалам уголовного дела уже.

Е.Г Александр Иванович, а вы с Юрой общались, когда уже последние его дела были, Адамова дело?

А.Г Ну конечно, мы общались, иногда встречались, ну очень редко. И вдруг я становлюсь председателем комитета по безопасности, 10 лет тому назад, а Юра у меня замом, тогда очень тяжелый был комитет, он интересный был, но тяжелый, тогда было много фракций. Юра представлял “яблочников”Б еще СПСовцы, жириновцы, ”Единство”, и очень тяжело было работать по законам. А Юру очень уважали. Я, прежде чем выносить закон, к Юре подходил, говорю: “Юр, вот смотри, вот это демократично, но вот тут чисто политический интерес отстаивает Юшенков, например,покойник»,... «Ну ты же видишь, вот-вот здесь тоже. А вот здесь разумно, вот здесь разумно, ну давай, ты переговори”. Так он помогал мне даже в том плане, чтобы нормально провести комитет, потому что к нему, когда он выступал, он говорил, к нему прислушались. Ко мне-то прислушались тоже, как к юристу, к примеру, но там политические вещи, там политические амбиции. И поэтому, из-за того, что он в оппозиции, он разорвется в лепёшку, разобьётся, но он должен отстаивать. А у нас тогда ни у кого не было такого количества голосов, которые, скажем, вот сейчас у «Единой России», чтобы провести любое решение партии и правительства. Тогда надо было вот так лавировать. Тем более, один у меня депутат был шизофреник полнейший, слава богу, его нет. Тот вообще мог по часу говорить и говорил, что это мои права конституционные и так далее и тому подобное. Юра мне помогал в этом плане. И, конечно, он вел линию коррупции, он в комиссии заседал. Возглавлял комиссию Николай Дмитриевич Ковалев, он и сейчас работает в Комитете по ветеранам, а Юра у него был зам, и Юра там просто мотор был. Ну, что греха таить, вот эта комиссия по коррупции, она и сегодня не работает...Как говорил Владимир Ильич Ленин, если мы не решим основную проблему, мы будем спотыкаться. Так вот, основная проблема борьбы

с коррупцией была не решена, а это всего лишь частности, о которые мы спотыкались. Но Юра и это использовал, ему не нужно было со всей коррупцией бороться. Он брал конкретных людей, конкретной организации и добивал, как журналист. И, конечно, он создавал там, честно говоря, для руководителей невыносимую обстановку. Адамов – министр, понимаем, какие за ним были связи. Мы теперь понимаем: и 30 миллионов куда-то делись, и 8 или 9 лет ему условно дали, и посидел он там за рубежом... Так вот Юра добил его. Потом “Три Кита” – то же самое, “Три Кита”. Если бы не Юра, то многие вещи просто не узнали. Все оперативную, как мы говорим, работу, хотя я утрирую, депутат не может оперативно, но все вот эти встречи с прокурорским работниками и прочее-прочее-прочее-прочее – это осуществляли другие уже, его задача была рассказать....

Я хотел бы отметить: вот его очень не любили, скажем, некоторые генералы, но тем не менее мне звонили и говорили слушай Александр Александрович, сними материал, а? Ну сними материал, ну идёт, ну по ФСБ там два материала было. Я подхожу и говорю: “Юр, ну надо снять материал. Не потому что человек, ну недопроверено. Поверь мне, недопроверено”. Он шёл на это. Или скажем, один материал он даёт, а в оперативных целях нельзя его было давать. Ко мне обращаются, говорят: “Сань, надо снять”. Юра говорит: “А вот это я сам не буду снимать, ты звони Димке Муратову(Включен Минюстом РФ в список иноагентов- ред), я просто не смогу это снять”. Я позвонил Муратову, говорю: “Надо материал снять, ну в оперативных целях просто надо снять”. Нельзя было озвучивать там некоторые вещи – ну такое тоже бывает.

Около него очень много крутилось людей, всякого рода, причём я ему всегда говорил: “Юра, ну что вокруг тебя, как не зайдёшь, у тебя целый базар”. Я не националист, я просто говорю: “Какие-то неопределённые национальности, какие-то пенсионеры, все бегают, суеются. Есть молодые, зачем они тебе? Вот есть у тебя помощник. Эти чего здесь делают в Думе? Несут? Не несут.”. Некоторые его использовали. В частности, он подаёт материал на Степашина, а Степашин был министром внутренних дел, что, якобы Степашин, придя на этот пост, полностью нейтрализовал всю работу вокруг генерала, который до сих пор живет, но он еще не пришел в сознание, Романов. Романов – это, можно сказать, национальный герой, всё понятно.

Это не соответствует действительности, Степашин, наоборот, назначил водителя с машиной, но не имел права. По-человечески, да, ... Пылесос купили... Я Сергея Степашина очень уважал еще с тех времен, я приезжаю, говорю: “Юр, ну зря ты, вот бумаги, смотри, вот бумага на машину, вот бумага на то, что у него адъютант, вот пылесос купили, ну как же ты так?”. А его подставили. Кто подставил? С внутренних войск пришли, надо было им ударить по своему командующему и лучше всего вот так. И Юра тут же дал опровержение, тут же, мгновенно, вот в этом плане.

Он был очень доверчивый. Это очень хорошее качество, но черт побери, я бы сказал так: не в нашей стране, не в наше время. Потому что я по себе знаю, я тоже немножко доверчивый, сколько неприятностей из-за этого. Да, есть люди хорошие, в чём-то они хорошие, потом они вдруг становятся плохими, и это уже всё я прошел. И у каждого есть свой интерес. У Юры был тоже интерес, но он некорыстный был. У меня тоже был свой интерес, но он тоже некорыстный. Хотя, как сказать, что значит “некорыстный интерес”. Корысть – это не только деньги, но это и слава. Принять закон, опубликовать материал, посадить кого-то в тюрьму – и заговорят о тебе, так что корысть есть, у каждого свой интерес, но есть антиобщественный интерес – это плохо, это же преступление...

Юра любил обычных лейтенантов, солдат он же не вылезал из Чечни, он эту 46 бригаду облазил, он с меня ведь, вот с этого хребта не сползал! “Давай до постановления, давай вопрос поднимай, давай, слушай, давай то, то, то, потому что наши ребята страдают, бронежилетов нет, вот этих вот взрывают машины, идут машины”. Черт побери! Ведь зонты безопасности уже были! То есть зонт безопасности – это имеется в виду в радиусе 100 метров или там 20–30 метров, то есть радиоуправляемый снаряд не взорвется, то есть глушилки, проще говоря, да? Но ведь их стали когда закупать-то? Когда уж снаряды не стали применять, а Щекочихин тогда уже об этом говорил. То есть и к нему, кстати, и рядовые милиционеры, и лейтенанты, и подполковники относились с большой любовью. Он не любил власть, тех, которые наверху. Не любил вот эту вот их чванливость, трусость, корысть. И они, конечно... они его боялись, в хорошем смысле слова: если Щекочкин что-то напишет... Почему? Потому что Юра вообще писал, выверяя материалы, всё проверял, выверял

до деталей. Это его подставили, когда ему дали материал о Степашине... Он же верил, это он мог. Но когда он сам писал материал о чём-то, да, о том же Адамове, он всё перепроверял. И у него были очень хорошие источники проверки, на него много работало людей. И материалы ему давали интересные и хорошие, потому что, ну, что греха таить, люди хотят от чего-то освободиться, хотят, чтобы справедливость восторжествовала.. Поэтому не надо щёки раздувать в наших силовых структурах. Если вы подлость совершаете, всё равно утечка информации произойдёт. Потому что там тоже люди работают.

Е.Г. Александр Иванович, а можно я вас перебую? Такой, может быть, острый вопрос. Хотите отвечать, хотите – нет. Есть люди, которые утверждают, что неумышленно, но у Щекочихина получилось в чеченском вопросе, как-то он подыгрывал чеченцам.

А.Г. Да нет, ну что вы, боже мой, да ни в коем разе. Я вспоминаю один эпизод, когда я при нём откровенно говорю: “Слушай, ну, понаехали тут”. Ну, примерно так, да. Понаехали тут, говорю, и на рынке уже русской речи нет. Ну так вот, у меня проснулось, так сказать, оно и во мне не засыпало, кстати говоря, я в этом плане не буду каяться. Вот, знаешь, как он окрысился на меня? Ух ты! Я увидел совершенно другого Щекочихина, который меня начал воспитывать: “Ты что? Страна многонациональная! Это фашизм, это национализм” и так далее. Ну, со многими моментами я не согласен с ним и до сих пор, что значит национализм, фашизм – разные вещи, и мы обсуждали немножко другую тему, но тем не менее, поэтому у него, скажем, чтобы отношение было к чеченцам лучше, чем кому-то – да что вы? Зачем же он тогда писал о мафии чеченской? Вот нифига себе!

Я знаю некоторых корреспондентов, не буду называть фамилии, которые за бабки писали статьи, и знаем сколько...

До 5 тыс., 3 тыс., 10 тыс. долларов – это в первой чеченской войне получали наши корреспонденты, не все, конечно, и публиковали...

А он наоборот, он абсолютно объективно освещал чеченские события. Он не выползал из окопов, его прикрывали. У него смелость была

потрясающая какая-то, даже не смелость, а такая разухабистость, что ли. Он даже не задумывался, он шел... там говорят: “Снайпер, снайпер!”.

Многие говорят, что “вот видишь, вот если бы не Щекочихин, ты бы не стал профессором”. Ну конечно, значит, если бы ты не убил льва, ты не попал бы в министерство, ну конечно, для этого надо убить льва, конечно. Ну, как я тут всем расскажу. И вот когда он ко мне пришел, вот это мало кто знает, но под камерой, по-моему, об этом нигде и не говорилось, он приходит очень взволнованный, попросил коньяку. Он немножко, так сказать, в последнее время употреблял, не могу ничего сказать. Не то, что он пьяный, но вот так немножко. Я ему налил немножко коньяку, он говорит: “С-Сань...”. Он когда волновался, он всегда немножко заикался, он говорит: “Сань, я что-то в Чечню...”. А он до этого много раз в Чечню просил, чтобы его направили и прочее, то есть вот в наши эти окопы. А тут вдруг его Явлинский посылает, а он: ”Ты знаешь, какое-то предчувствие нехорошее у меня, такое предчувствие просто”. Я говорю: “Юр...”. А я к этому вообще очень серьезно отношусь. Я говорю: “Юр...”. И до сих пор предчувствие это, подсознание работает у нас. Я говорю: “Туда не ехай, предчувствие – вещь серьезная, во время Великой Отечественной войны люди знали, что их убьют, масса рассказов”. Он так ходит, нервничает: “Явлинский скажет, трусил”. Я говорю: “Ну кто тебя назовёт трусом? Ты же постоянно не выползаешь из этих окопов, всё за 46-ю бригаду сражаешься за нашу”. И он поехал, он поехал – вот какой ответственный человек был, предчувствие, всё, но Явлинский, видишь... А я ещё говорю: “Пусть Явлинский сам съездит, хватит болтать в доме, пусть там в окопочке где-нибудь там, так сказать, постоит”. Сергей же ездил в правозащите, правда на стороне басаевцев был, но все равно ведь там могли убить, я имею ввиду, правозащитников. Так и Явлинский. Но Явлинский не поехал. Тут-то проще говорить. Поехал Юра. И он оттуда приезжает и болезнь – моментом. Первый диагноз был ОРЗ, а потом инфаркт. Это как раз болезни, которые связаны с отравлением. Какими-то металлами, радиацией. Я просто набор такой даю. Вот они как раз дают симптомы одной болезни, потом тут же другой, постоянно мимикрируют и превращаются и в итоге удушье – от чего он умер, но это уже в другой раз.

Это первое отравление было, я вам про первое рассказываю, когда он поехал в Чечню, когда у него было предчувствие нехорошее, и он заболевает и месяц

лежит, его отхаживают, сначала было отравление, интоксикация была вначале, потом ОРЗ, а потом уже вот это первое было отравление, правильный диагноз был. Но он тут же, если это какие-то яды и прочие химикаты, то они постоянно меняют структуру организма, и организм на другие болезни переходит, на другую симптоматику. Он месяц отлежал, пришел. Не пил, более спокойный был, все нормально – ну и не придал никто этому значения, но я ему задал вопрос: “А ты что там, ты простыл что ли?”. Он говорит: “Да нет”. Я говорю: “А что-нибудь ел где-нибудь, отравление от чего у тебя началось?” Он говорит: “Ты понимаешь, я попросил бутылку воды, и мне дали бутылку воды, она, правда, холодноватая была, может от этого”. Я говорю: “Нет, это не от холодноватой, видимо, не от бутылки воды”. Но тогда мы оба не обратили на это внимание. Но вот следующий этап его жизни: вот сегодня у него день рождения, я у него на дне рождения. Юра веселый, не пьет ничего... Там ведь тоже разговор был, что он напился, а потом уж вроде как от водки и кожа стала спадать пластами. Такого, конечно, даже у алкоголиков не видел в жизни – кожа вся прям янтарная была, можно сказать, у них. Всё, я уехал оттуда, и вдруг, буквально через день-два, я сейчас не помню, у меня звонит Муратов, говорит: “Юра умирает”. Что такое? Что? Оказывается, он действительно потом выпил там вина немножко. Уж будем честными до конца, он выпил вина, но он не был пьян. И он попадает в больницу с острым отравлением. Потом грипп, по моему, а потом асфиксия. И мне Муратов звонит и говорит: “Юра-то умирает”. Я говорю: “Как умирает?”. “Ну, что ты!”. Он мне говорит: “Волосы вылезли, кожа сходит, осталось там на лобке что-то немножко...”. “Как сходит, что? Какие-то болезни экзотические”. Я говорю: “Что врачи говорят?”. “Ну, ты понимаешь, врачи говорят, крутят где-то, в воздух показывают, и то в коридор выходим, но он отравлен” – он мне говорит. Я говорю: “Слушай, это только при отравлениях вот тяжелыми металлами”. То, что я знал еще с армейской подготовки, либо мощная радиация, либо там тяжелыми металлами, ну, какой-то вот такой непонятный. Он говорит: “Я знаешь, что тебя попрошу? Ты позвони Шевченко, ты же знаешь его?” Шевченко – это министр здравоохранения, кстати, ушел сейчас в монастырь. Это здоровенный, крепкий мужик. Он работал когда-то в лаборатории по отравляющим веществам. И ему звоню, он говорит: “Да, тут что-то не так, я постараюсь”. Но не могли найти антидот. Диагноза не было.

Серьёзно, понятно, что отравили, но чем? И он мне говорит: “Александр Иванович, моя просьба к тебе”. Это Шевченко, клянусь мамой, как говорится: “Будешь на фуршетах – не пей, не ешь, там травят”. Это говорит Шевченко, знающий человек. Но он-то ездил в Рязань, больше где его могли? А может, где-нибудь вот так вот, кто-нибудь из братвы, которая у него отиралась, так сказать, кто-то дал попить тоже. Не обязательно в Рязани, потому что мы все исследовали. Когда хоронили, ко мне подошел один генерал и сказал: “У него в крови нашли фенол”. Ну, фенол – это Кивелиди отравили... вместе с секретаршей. Но я говорю, фенолом, фенол, кстати говоря, либо от разложения каких-то тканей, либо от лекарств, вот может быть у каждого человека. Весь вопрос в какой концентрации. Конечно был не фенол, все это ерунда. Ну, а потом интересные вещи наступали, если говорить о расследовании. Возбудили дело, вернее не возбудили, а отказали в возбуждении уголовного дела, хотя я настаивал на возбуждении уголовного дела, потому что значимая фигура, будет много домыслов, лучше провести расследование и потом прекратить, если не подтвердится. Но прокуратура на это не пошла. Меня не допросили, никого не допросили, что это такое за следствие? Потом возбудили дело, через какое-то время, но тоже никто не допрашивал ничего, сейчас опять якобы возбудили дело, но уже по нашим сведениям, в этом деле нашли фальсифицированные материалы.

Е.Г.Как вы думаете, будет открыто?

А.Г. Я думаю, разгадка его смерти будет открыта, но не сегодня. Можно было бы сегодня – вот как быстро раскрыли террористический акт в Домодедово? Блестяще сработали следователи и оперативники. По пальцу, по изуродованной голове установили с помощью целого ряда экспертиз кто он, куда, где живет, приехали еще дополнительно арестовали. Я думаю, если бы дали команду вывернуть все наизнанку, как положено: где яды, какие пропадали яды или не пропадали такие яды... Они же все на учете, каждый граммчик. Что за материалы, кто их сунул туда, почему это материалы касаются человека, который Юрию в отцы годится? Участник войны, по моему. Как это так? Кто их туда засунул? Много чего интересного. Почему нас не допросили? Мы бы тоже какие-то косвенные улики бы дали. Косвенные. Абсолютно прямых мы не знаем. И, конечно, я опубликовал такой материал, под камеру расскажу. То, что “Три Кита” – глупость. “Три Кита” – дело

стрёмное, уже раскрыто. Никто там никого бы не стал убивать и не убивали. Ребята занимались своим делом, контрабанда, и сидят за контрабанду. Значит, по делу атомному то же самое: ну что там 30 миллионов есть в кармане, человек на свободе, более того, в тот момент такие вещи уже они были неинтересны, люди не боялись, даже если бы этот министр украл атомную станцию и поставил её у себя на даче. Это тоже никого бы ровным счетом не удивило, так же, как взрыв на Славяно-Шушенской особенного тоже переполоха не сделал. Ничего страшного, поговорили бы, наказали кое-кого и всё. Поэтому здесь что-то другое. А вот что, я не знаю, вполне возможно, что это связано с какими-то кланами, с каким-то политическими группами, где речь шла о какой-то огласке, то ли финансовых, то ли каких-то зарубежных политических дел, я не знаю. Но здесь очень серьезный вопрос : здесь не мафия, я всегда говорю: мафия не мстит. Мафия и убивает редко, она честнее. А вот когда попадает в ситуацию чиновник высшего сословия и над ним сгущаются тучи и в одночасье может уйти какая-то информация – вот он пойдет на все. Он и мафию купит, он все что угодно: даст команду не только мафии.. В общем, я еще так говорю, потому что вот один подполковник, он Останин, вот, Останин – он же ко мне подошел и сказал: “Саш...”. Я, говорит, не знаю, что, но Щекочихин тебя боялся уже, он к тебе уже не ходил, потому что ты его все время шугаешь, значит, надо поосторожнее, это вот не надо.

Ведь Юра сразу: “Пойдем, материалы возьмем, из Германии нам материалы прислали по ”Трем Китаю”. Я говорю: “Зачем? Это не будет иметь процессуального действия. Зачем ты их возьмешь, эти материалы? Пусть они их официально пошлют в МВД, что они сделали”. А на самом деле оказалось, что материалы три года лежали в нашей налоговой полиции, которая указала, что “Три Кита” – нормальные ребята, налоги платят, у них нет информации. А немцы – это схема контрабанды. Понимаете вещь, да? И эта контрабанда находилась там и умышленно . И здесь, я ему говорю, вот сюда не лезь, это не твое дело. Вот здесь порог опасности, ты его не чувствуешь. Он этому подполковнику тогда сказал следующее: “Ох, старик, я такой материал набрал. Это будет пострашнее вот той бомбы, которую мы с Гуровым. Это будет пострашнее”. И он должен был выезжать, давать показания в Конгресс США. Вот у меня такое ощущение, что его смерть все-таки связана в какой-то мере с Соединёнными Штатами Америки. Не обвиняю.

Убили его наши, просто у меня такое ощущение, вот шкурой чувствую, что именно вот эта вот дорожка

Е.Г А материалы пропали?

А.Г Ну кто же знает. Он сказал, что материалы собрал, а какие – он не сказал. Он сказал, что будет бомба, и как он сказал, бомба, и так это всегда такой улыбался, предвкушал, так сказать. А я ему всегда говорил, порог опасности – вот тут он порог опасности не почувствовал. Это тебе не мафия, это тебе не Отари Квентришвили, который его напугал около церкви, за грудки взял, Юра ко мне прибежал, потом Отари вызвал: “Ты смотри, Щекочихина не обижай, сволочь”. Это два брата – Отари Квентришвили и Амиран. Сначала Амирана убили, потом Отари шлепнули. Раскрыто будет, но не сегодня и не завтра.

Е.Г.Последнее, вы говорили, когда Щекочихин спросил о количестве мафии, вы сказали “миллионы”. Сколько же сейчас?

А.Г. Не, миллионов нет. Их миллионы не может быть.

Е.Г Какое вот сейчас соотношение в обществе, что мы должны знать?

А.Г. Чиновников коррумпированных, конечно, миллионы. Нет, количество невозможно сказать. Ведь мафия оценивается не по количеству, она по качеству оценивается. А качества есть следующие... Во-первых, у нас нет такой Коза Ностры. У нас могут и два, и три человека управлять, так сказать, целыми бригадами. У нас могут сидеть кто-то где-нибудь в газовой-нефтяной или лесной промышленности, и 20 человек, и такие вещи вытворять. Это же тоже организованное преступление. То есть получение незаконных прибылей, сверхприбылей незаконным образом, вот это и определение организованной преступности. А если говорить о группировках, то они есть, в основном эти группировки, наши говорят, этнического происхождения, а я считаю, международного происхождения. Потому что это грузинские, это армянские, это украинские, молдавские, вьетнамские, китайские, афганские и курдские, и так далее и тому подобное.

–Е.Г. А наши?

А.Г. Наши есть тоже, но если говорить о том, кто главенствует, конечно, главенствует не наша организованная преступность. Вот когда говорят о русской мафии, а мы с Юрой были в Италии и выступали в парламенте. И я первый выступил и сказал, что нет русской мафии. И Юра меня поддержал. И прокурор по мафии, у них такой должность, который в это время уже не был прокурором, а был председателем парламента, как у нас Грызлов согласился..Растет профессиональная преступность, женская преступность, преступность несовершеннолетних, организованная преступность и бандитизм.

Е.Г.Что нам делать-то дальше? Как жить?

А.Г.Ну, это отдельный вопрос. Жить. Надо говорить об этом. Больше говорить, больше писать. Как можно меньше лизать в сапоги.